

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
------------------------------	---

<i>Введение. Формализм между традициями, политикой и «школой»</i>	<i>12</i>
---	-----------

Часть первая. Ad fontes

Глава 1. Наследие Александра Потебни: украинский и общерусский контексты	40
---	----

Глава 2. Филологические штудии Владимира Перетца и поиски истории украинской литературы	63
--	----

Глава 3. Особенности раннего модернизма в украинской литературе и критике рубежа XIX–XX веков	87
--	----

Глава 4. Теоретические взгляды Ивана Франко. Трактат «Из секретов поэтического творчества» (1898) как «предтеча» формального метода	97
---	----

Часть вторая. Русский формализм и становление литературной теории в советской Украине в 1920-е годы

Глава 1. Многонациональная культура революционной Украины. Альманахи «Музагет» (1919) и «Гермес» (1919).	114
---	-----

Глава 2. Александр Белецкий и «Харьковский кружок формалистов»	137
---	-----

Глава 3. Формальный метод, первые национальные поэтики и модернизация теоретического инструментария	159
---	-----

Глава 4. «Наука стихосложения» Бориса Якубского	177
---	-----

Глава 5. «Как строится рассказ. Анализ прозаических примеров» Майка Йогансена и «О теории прозы» Виктора Шкловского	192
---	-----

Глава 6. «Путешествие ученого доктора Леонардо и его будущей возлюбленной Альцесты в Слобожанскую Швейцарию» Майка Йогансена как пример формалистской прозы	211
---	-----

Часть третья.

Полемика о формальном методе в советской Украине 1920-х годов

Глава 1. К постановке проблемы: этическое vs идеологическое в дискуссиях о формальном методе	222
--	-----

Глава 2. Проблема формы и содержания в спорах на страницах украинской периодики 1922–1923 годов	229
---	-----

Глава 3. Борис Эйхенбаум в Украине: дискуссия вокруг статьи «Теория „формального метода“» в журналах «Червоный шлях» и «Красное слово»	259
--	-----

Часть четвертая.

Теория и практика литературы 1920-х: между искусством и идеологией

Глава 1. Панфутуристическая концепция искусства. Формалистский дискурс журнала «Новая генерация»	304
--	-----

Глава 2. «Неоклассики» между марксизмом и формализмом	322
---	-----

Глава 3. Идеологические контуры литературной дискуссии 1925–1928 годов. Микола Хвильевой и концепция «азиатского ренессанса»	359
--	-----

Глава 4. Формалистский дискурс журнала «Ваплите»: Иеремия Айзеншток «Десять лет ОПОЯЗа»	380
---	-----

Глава 5. Роман Якобсон: «Ваплите», условность искусства и политическая география знания	389
---	-----

*Часть пятая.
Post mortem*

Глава 1. Украинский формализм под ударом	418
Глава 2. Зеркала формализма: львовские споры, Дмитрий Чижевский и барочные складки гоголевской «Шинели»	450
Глава 3. Археология эпохи и пластика идентичности: Петров — Домонтович — Бэр	478
<i>Заключение. Отложенное возрождение, или Карты Атлантиды</i>	<i>502</i>

Приложение.

*Материалы по истории рецепции и развития формального
метода в советской Украине в 1920-е — начале 1930-х годов*

РЕЦЕНЗИИ

Борис Томашевский о «Науке стихосложения» Бориса Якубского (1923)	541
Борис Навроцкий о «Теории литературы» Бориса Томашевского (1925)	542
Александр Белецкий о «О теории прозы» Виктора Шкловского (1925)	555
Михаил Могиланский о «Сентиментальном путешествии» Виктора Шкловского (1925)	560
Владимир Державин о «Технике писательского ремесла» Виктора Шкловского (1927)	561
Владимир Державин о «Гамбургском счете» Виктора Шкловского (1928)	566

СТАТЬИ

Агапий Шамрай. «„Формальный“ метод в литературе» (1926) .	570
Василь Бойко. «Формализм и марксизм (По поводу лекции проф. Эйхенбаума)» (1926)	602
Виктор Шкловский. «Цемент и мандат». Статья для «Вечернего радио» (Харьков, 1926)	620

Иеремия Айзеншток. «Десять лет ОПОЯЗа» (1927)	626
«К критике методологических позиций украинского литературоведения». Стенограмма публичной самокритики Агапия Шамрая (1931)	638

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания Александра Лейтеса о Майке Йогансене	669
---	-----

ПИСЬМА

1. А. И. Белецкий П. Н. Сакулину	681
2. И. Я. Айзеншток О. М. Брику	681
3. И. Я. Айзеншток Б. М. Эйхенбауму	682
4. И. Я. Айзеншток Б. М. Эйхенбауму	684
5. И. Я. Айзеншток Б. М. Эйхенбауму	685
6. И. Я. Айзеншток Б. М. Эйхенбауму	686
7. И. Я. Айзеншток Б. М. Эйхенбауму	686
8. Б. В. Якубский Б. М. Эйхенбауму	687
9. Б. В. Якубский Б. М. Эйхенбауму	687
10. Б. В. Якубский Б. М. Эйхенбауму	688
11. А. И. Белецкий В. Б. Шкловскому	688

Библиография	690
------------------------	-----

Хронология публикаций избранных работ, связанных с развитием литературной теории в Украине (1914–1931)	747
--	-----

Список сокращений	759
-----------------------------	-----

Указатель имен	761
--------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

ФОРМАЛИЗМ МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ, ПОЛИТИКОЙ И «ШКОЛОЙ»

Когда общая работа над этой монографией была почти закончена, наш очень знающий коллега справедливо заметил, что это книга посвящена исчезнувшей восточноевропейской литературной теории — и все же для заголовка после непростых раздумий мы остановились на достаточно неожиданном термине «нацмодернизм» (и в дальнейшем будем употреблять его без полуизвинительных кавычек).

Почему? Очего именно такой термин важен для истории формализма за пределами России? И разве не всякий модернизм был национальным? Сразу скажем, что прилагательное «советский» мы понимаем, для начала, в смысле временной и территориальной привязки (Центральной и Восточной Украины «под Советами»), а не как главный идеологический ключ к сущности явления. Но важно и то, что социалистический/марксистский вектор мысли, политического и культурного действия, самореализации для многих героев книги был много серьезней и важней просто «обстоятельств места и времени». Об этом речь впереди. Кроме того, и первый раздел книги охватывает период преимущественно до-революционный, а герои последнего раздела тесно связаны с украинской эмиграцией и сюжетами, скорее, не- или даже антисоветскими.

Под нацмодернизмом как знаком культурной специфики бывших имперских регионов — советских республик 1920-х мы будем понимать единство, зафиксированное и отрефлексированное современниками сочетание художественного

модернизма и современных социально-политических перемен во имя «догоняющего развития» той или иной «новой», «социалистической нации». Важно отметить, что нацмодернизм как явление не был специфически левым, «красным» по своей сути — этот феномен восходил к модернизационным процессам в обществе и в культурном творчестве, которые начались до 1914 года и отразили в себе опыт национального освобождения весны — осени 1917-го и небольшевистских сдвигов 1918–1921 годов. Но именно условия советского проекта в его нэповском и федералистском варианте придали «нацмодернизму» характерные черты и особенности¹. Как понятие оно, с одной стороны, глубже (социальнее) символистского и даже авангардного *жизнетворчества*, с другой — объемнее тогдашнего процесса и лозунга *культурной революции*, включая ее национальные преломления². Объемнее — означает и включение специализированных, академических пластов литературной культуры (и культуры художественной), включая разные теоретические, а не просто направленные -измы. В результате, чтобы объяснить сущность теоретической специфики именно украинского формализма, нам придется обращаться даже не столько к схожим процессам в науке и критике других стран / республик Восточной, Центральной Европы или бывшей Российской империи (Чехословакии, Польши, Белоруссии), но именно к особенностям бурной эволюции украинской культуры, а также украинской политики первой трети XX века.

¹ См.: Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 326–374; Плаггенборг С. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Нева, 2000.

² См. характерно разноплановые филолого-лингвистические и историко-политические полюса анализа того, что в контексте нашей книги очень важно увидеть как феномен если не единый, то композитный, сплавленный: Иоффе Д. Прагматика и *жизнетворчество* (еще раз о концепции авангарда у М.И. Шапира) // *Philologica*. 2012. Т. 9. № 21–23. С. 405–421; Дэвид-Фокс М. Что такое культурная революция [1999] // Дэвид-Фокс М. Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Глава 4.

Для изучения формальной теории в последние десятилетия, быть может, наиболее перспективными оказались методы, выводящие ее за привычные границы литературности и «метатекстуальных» установок — оптика истории науки, историографического рассмотрения философии или искусствоведения¹. Понимать пограничные, транснациональные явления тоже помогут скорее «чужие» подходы и непрямые аналогии. В истории архитектуры для обозначения специфического стиля 1960–1980-х закрепился термин «соцмодернизм», которому свойственны как наследование межвоенному конструктивизму, так и черты нового идеологически заданного и целостного «проективизма», устремленного в будущее. Понятие «соцмодернизм» / «советский модернизм», выработанное поначалу для Восточноевропейского региона, применяется ныне и к особенностям знаковых построек Средней Азии и Закавказья, а также Украины и Белоруссии, но корни этого явления восходят к республиканским версиям «нового искусства» довоенных десятилетий².

Для культурного строительства, а не просто литературной эволюции в Украине 1920-х показательным соединением, специфическое совмещение и даже сплав разных стилевых начал и интенций, характерных и для (вроде уже пройденных в Центральной и Восточной Европе к тому времени) «просветительских» и романтических фаз этнического становления, и для собственно модернистских течений (например, «неоклассики»), а также авангардных импульсов. Эволюция украинских формальных штудий может быть понята только с учетом сложной взаимосвязи между универсальными

¹ Денретто К. Формализм в России: предшественники, история, контекст. М.: Новое литературное обозрение, 2015; Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание: Коллективная монография. М., 2017; и др.

² Crowley D. Socmodernism and the architecture of leisure in Eastern/Central Europe in the 1960s and 1970s // Different modernisms, different avant-gardes: problems in Central and Eastern European Art after World War II / Helme S. (ed.) Proceedings of the Art Museum of Estonia, Tallinn, 2009. P. 246–258; Bykov O., Gubkina Ievg. Soviet Modernism. Brutalism. Post-Modernism Buildings and Structures in Ukraine 1955–1991. Berlin, 2019.

авангардными / модернистскими художественными концепциями и становлением модерной и самобытной национально-ориентированной «местной» культуры.

Для российской ситуации 1920-х (тоже с учетом цензурных условий) многослойность и пестрота сохранившихся литературных сообществ подчеркивала значимость дореволюционных соотношений притязаний и репутаций, а «архаические» народно-национальные ориентиры даже в «скифской» или национал-большевистской версии были совсем не свойственны лефовскому или рапповскому лагерям¹, не говоря уже о большинстве так называемых «попутчиков»; несмотря на популярность фигур вроде Есенина, Пильняка или Леонова. В Украине мобилизационная и взрывчатая сила перемен 1917–1920 годов предопределила совершенно иную расстановку сил, а также временное единство национального и революционного императивов развития общества и культуры в годы НЭПа. Мы в меньшей степени будем касаться ситуации и процессов, происходивших в Западной Украине в 1920–1930-е годы, хотя и там «формалистские» поиски в литературной мысли были выражением не только философских идей (например, Романа Ингардена), но и культурно-политических сдвигов после событий Первой мировой войны и крушения прежнего миропорядка². Там тоже представители разных лагерей очень внимательно и чутко реагировали на перемены и повороты в советской Украине (об этом подробнее в части 5).

Однако и без советского «акцента» проблематика украинской литературной культуры вполне встраивается в куда более общий компаративный контекст развития периферийных зон — относительно западноевропейского ядра

¹ Шевеленко И. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017; Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980; Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. М.: АИРО-XXI, 2007.

² Ільницький М. М. Критики і критерії: Літературно-критична думка в Західній Україні 20–30-х рр. XX ст. Львів, 1998; Ільницький Д. М. Дискусії про зміст і форму мистецького твору (Кляйнер — Інгарден — Рудницький — Антонич) // Письменство Галичини в міжкультурній взаємодії / За редакцією Тимофія Гавриліва. Львів: ВНТЛ-Класика, 2015. С. 125–146.

в 1890–1930-е годы; это касается и идеологии и литературы¹. Само это ядро тоже не было единым: достаточно вспомнить дебаты о французском регионализме (провансальской литературе, в частности) или о «запоздавшей нации» (Х. Плесснер). Для стран Центральной, Восточной и Южной Европы в межвоенный период были весьма характерны попытки соединить технические и культурные достижения с программами «низовых» национальных и аграрных движений. Украина оказывалась государством нации не только «запоздавшей» (в терминах тех лет «отсталой»), но еще и совсем недавно считавшейся не просто «неисторической»², а в конце концов несуществующей частью общерусской. Отсюда и стремление догнать и перегнать, вместе с лозунгами «красного Ренессанса».

Пожалуй, наиболее известным примером англоязычных исследований феномена «запоздавшего» европейского модернизма является изучение эволюции греческой словесности у Грегори Джусданиса, который предложил эксплицированную модель трактовки национально-литературной идеологии³. Впрочем, такая запоздалость отчасти предполагает и «неодновременность» (отмеченную Эрнстом Блохом в середине 1930-х), но в еще большей степени — *ускоренное развитие* литератур. Этот феномен наложения, «спрессовки» разных литературных эпох описан Георгием Гачевым применительно к болгарской литературе XIX века еще в начале

¹ См. материалы хрестоматии: *Modernism: The Creation of Nation-States: Discourses of Collective Identity in Central and Southeast Europe 1770–1945: Texts and Commentaries* / Ed. A. Ersoy et al. Vol. III/1. Budapest: Central European UP, 2010.

² Украинские социалисты начали справедливо поправлять и классиков марксизма за их гегельянское разделение наций на прогрессивные и реакционные — как Роман Роздольский (1898–1967), активный деятель троцкистского крыла Компартии Западной Украины в конце 1920-х, ставший затем знаменитым марксоведом: *Прокопович Т. [Роздольський Р.] Фрідріх Енгельс про Україну // Червоний шлях. 1927. № 7–8. С. 161–186; более развернуто: Rosdolsky R. Engels and the «Nonhistoric» Peoples: the National Question in the Revolution of 1848. Glasgow: Critique books, 1987 (этот труд был написан в 1948, напечатан по-немецки в 1964 году).*

³ *Jusdanis G. Belated modernity and aesthetic culture: Inventing national literature. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991.*

1960-х годов, а затем этот поход применен им для исследования творчества Чингиза Айтматова — знакового автора «многонациональной советской литературы»¹.

Но в нашем случае речь идет и о политически ускоренном развитии словесности (и литературной критики и теории), где каждая из сторон — а не только большевистское руководство Украины, существенно менявшееся в 1920-е, — претендовала на *единое*, слитное понимание этого рождающегося культурного синтеза. Среди новейших исследований стоит, с одной стороны, обратить внимание — вслед за Майклом Дэвид-Фоксом, например, — на постановку и решение общих, глобальных и всеевропейских проблем *Modernity* в рамках большевистского/советского проекта². С другой стороны, в недавних работах Галина Тиханова сам формализм рассматривается не только как оппонент марксизма, но и как его своеобразный «родственник», «кузен-соперник», пользуясь знаменитой семейной метафорикой Шкловского насчет «дяди» и «племянника»³. Наконец, ряд общих штудий Ханса Ульриха Гумбрехта и Сьюзан Фридман посвящены сложным гибридным характеристикам и полицентричности литературного модернизма, адаптирующего авангардные сдвиги 1920-х годов и восполняющего одномерность характеристик сугубо экономической цивилизации⁴.

Настоящая книга стремится не только проследить развитие формальной теории в советской украинской культуре, но и реконструировать историю развития украинской критики и литературоведения в широком идеологическом

¹ Гачев Г. Д. Неминуемое: ускоренное развитие литературы. М., 1989.

² Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная, переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 19–44 (и материалы обсуждения этой статьи).

³ Tihanov G. The Birth and the Death of Literary Theory. Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford, California: Stanford UP, 2019; Тиханов Г. Заметки о диспуте формалистов и марксистов 1927 года // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 279–286.

⁴ Гумбрехт Х. У. В 1926: жизнь на острие времени. М.: Новое литературное обозрение, 2005; Friedman S. S. Definitional excursions: the meanings of modern / modernity / modernism // Disciplining Modernism / Ed. by P. Caughie. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 11–32.

и политическом контексте формирования раннесоветской «надстройки» в разных национальных республиках (пусть даже в самых общих чертах)¹. Однако для понимания складывающихся после революции напряжений и творческих импульсов необходимо сделать значительный шаг назад по хронологической шкале — для выявления их истоков². Временем отсчета является последняя треть XIX века, отмеченная своего рода неоромантическим переломом в культурном сознании, сменой научной парадигмы, постепенным переходом от «старо»-позитивистского к модернистскому типам мышления (или наложением этих базовых подходов). Поэтому первая часть книги будет посвящена эволюциям идей преимущественно эпохи 1848–1914 годов³.

Дискуссии о национальном содержании литературы, ее художественно-эстетических и идеологических ориентирах, которые разворачивались после 1917 года и на протяжении

¹ Основой могут быть материалы фундаментального труда А. В. Круanova «Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор)» и отражения «периферийных» процессов в столичной печати времен Гражданской войны в хронике Александра Галушкина: Литературная жизнь России 1920-х годов: Москва и Петроград 1917–1920 гг. / Под ред. А. Ю. Галушкина. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1–2. См. также: Никольская Т. Л. «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000; Красовицкая Т. Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.). М.: ИРИ РАН, 2006; *Le Foll C.* The Institute for Belarusian Culture: The Constitution of Belarusian and Jewish Studies in the BSSR Between Soviet and non-Soviet Science (1922–1928) // *Ab Imperio*. 2012. № 4. С. 245–274 и др.

² На протяжении всего XIX века в Российской империи украинцы воспринимались господствующей культурой не как самостоятельная нация, а как часть общерусской, при этом специфика языка, культурных и этнографических особенностей представлялась как региональная разновидность общерусского развития. См.: Борисенко Е. Ю., Лескинен М. В. «Украинский вопрос» в системе исторических и политических координат: Российская империя и Советский Союз // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. М., 2018. С. 7–50.

³ Этнокультурным аспектам разных национальных возрождений от Скандинавии и Португалии до Латинской Америки в Новое время посвящена обзорная работа социолога Э. Леусси — на основе «примордиалистских» идей Э. Смита: *Leoussi A. S.* The ethno-cultural roots of national art // *Nations and Nationalism*. 2004. Vol. 10. № 1/2. P. 143–159.

1920-х на страницах украинской периодики и печати, явно свидетельствуют о попытке отгородить себя от влияния русской «имперской» культуры метрополии и создать собственный, национальный, вариант развития словесности и гуманитарных наук. Этим спорам предшествовала разнообразная и упорная деятельность по формированию самостоятельной украинской науки и культуры (в Галичине¹ и бывшей Малороссии) в контексте национального возрождения; наиболее последовательно — в контексте идеологии 1848 года и революционных импульсов 1905 года, где плюсом отталкивания–притяжения были культуры австро-немецкая и в особенности польская².

В то же время даже поверхностный анализ литературно-критического и филологического украинского материала этого периода говорит о его тесной связи, параллелизмах и «переприсвоении» теоретических и художественных идей и даже целых систем, которые появились в Петербурге и Москве накануне Первой мировой войны и активно развивались в первой половине 1920-х годов (вначале и на основе общих для украинских и российских теоретиков европейских источников). Самый факт, что даже географические маршруты и топосы русского и украинского авангардных и модернистских течений в 1920-е годы отчасти совпадают, говорит о том, что порой невозможно категорически разграничить «русский элемент» и «украинский» в каждом отдельном культурном феномене³. В этом смысле процессы нацмодернизации 1920-х в Закавказье, Поволжье, Средней Азии были и более «туземными» и одновременно более стыковыми,

¹ Из двух равноценных вариантов названия этого региона — Галиция и Галичина — авторы книги выбрали последнее.

² Украинское национальное возрождение разворачивалось на территории современной Украины, которая была разделена между Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской) и Российской империями. См. подробнее: Грицак Я. Нариси історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. К.: Генеза, 1996; а о внешних обстоятельствах: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

³ См. подробнее об этом: Shkandrij M. Avant-Garde Art in Ukraine 1910–1930: Contested Memory. Boston: Academic Studies Press, 2019.

«монтажными» за счет выросшей мобильности писателей, художников и ученых между метрополией и бывшими периферийными регионами¹.

Рассмотрение масштаба и способов взаимодействия (и порой противостояния) радикальных эстетических и теоретических практик, характерных для украинской и русской советской культуры 1920-х годов, позволит существенно дополнить картину бурного развития украинской культурной истории этого десятилетия, историю драмы национального возрождения под властью империи уже совсем нового типа — советской².

Политическая и культурная история Украины 1920-х — начала 1930-х годов определяется двумя главными идеологическими векторами — национализмом и социализмом (особенно

¹ В политическом плане возникающие дилеммы описаны у А. Халида для среднеазиатского джадидизма или Азербайджана у Й. Баберовски (*Халид А. Чем была революция в Туркестане? // Неприкосновенный запас. 2017. № 5. С. 165–177; Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // Ab Imperio: Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 307–352; Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010*). В культурном и искусствоведческом плане важно отметить работы: *Асеева Н. К. Украинское искусство и европейские художественные центры, конец XIX — начало XX веков. К.: Наукова думка, 1989; Авангард, остановленный на бегу. Л.: Аврора, 1989; Pinko O. У пошуках страченого минулого: Ретроспектива мистецької культури Львова XX століття. Львів: Каменяр, 1996; АРХУ-МАС: казанский авангард 20-х / Авт.-сост. И. И. Галеев, О. Л. Улемнова. М., 2005; Казанский авангард 1910–1930-х. Из серии «Художественные сокровища Татарстана» / Авт.-сост. О. Л. Улемнова, С. Е. Новикова. Казань: Заман, 2014; Чухович Б. Sub rosa: От микроистории к «национальному искусству» Узбекистана // Ab Imperio. 2016. № 4. С. 117–154 (подробнее об этом речь пойдет в разделе, связанном с идеями ВАПЛИТЕ и научными измерениями евразийства).*

² *Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011; Liber G. Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934. New York; Cambridge: Cambridge UP, 1992. Очень полезные своды литературы: Sunderland W. The USSR as a multinational state from the revolution to the death of Stalin: western scholarship since 1991 // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 4. С. 142–158; Oskanian K. Russian Exceptionalism between East and West. London: Palgrave Macmillan, Cham, 2021. Р. 101–156 (глава «The Soviet Union as a Hybrid Civilising Project»).*

в его крайней форме коммунизма¹). Украинские земли, в которых национально-освободительное движение началось еще в XIX веке, получили независимость в результате глобальных политических потрясений — Первой мировой войны и последовавшим за ней распадом двух империй — Российской в 1917 году и Австро-Венгерской в 1918 году. 9 (22) января 1918 года IV Универсалом Центральной Рады была провозглашена самостоятельность Украинской Народной Республики². В 1919 году между УНР и Западно-Украинской Народной Республикой (ЗУНР)³ было подписано соглашение об объединении, однако оно так и не стало реальностью, поскольку к лету 1919 года основная территория ЗУНР была оккупирована польскими войсками⁴. Сложное сочетание событий национальной и общеевропейской истории, нахождение значительной части украинских земель в составе СССР с 1922 года — все это обозначило соприсутствие в украинской культуре 1920–1930-х годов одновременно нескольких

¹ Стоит отметить, что в первой половине 1920-х в правящей элите Украины были куда значительней, чем в советской России, представлены выходцы из левоэсеровских кругов («боротьбисты»), ориентированные на те или иные версии аграрного социализма, например нарком просвещения и горячий сторонник украинизации Александр Шумский: *Шапавал Ю. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи*. Київ; Львів: Україна модерна, 2017.

² Киевская предыстория событий изложена в недавней книге: *Машкевич Ст.* Киев 1917–1920. Т. 1: Прощание с империей. Харьков: Фолио, 2019. Более широкий контекст дан в книге: *Беляков С. С.* Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой. М.: АСТ, 2020 (ср. рецензию украинского историка В. Ф. Солдатенко: *Клио*. 2021. № 3 (171). С. 182–187).

³ В октябре 1918 года представители западноукраинских политических партий создали Украинскую Национальную Раду во Львове. Ее возглавил юрист и политический деятель Евгений Петрушевич (1863–1940). 19 октября 1918 года Рада провозгласила о создании государства на западных землях, которое позднее получило название Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР). См. очерк авторитетного историка украинской мысли: *Лисяк-Рудницький І.* Вклад Галичини в українські визвольні змагання // *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. К.: Основи, 1994. Т. 2. С. 49–58.

⁴ Фактически советская власть на территории УССР установилась в 1920-м. По Рижскому мирному договору 1921 года бывшую территорию УНР разделили между собой Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР) и Польша.

культурно-идеологических дискурсов: национального, (пост) имперского¹, европейского и советского.

События 1917–1920 годов и дальнейшее конструирование национальной идентичности в 1920-е годы в советской Украине, получившее мощный импульс в результате этих перемен, происходили на совершенно новой основе, чем до 1914 года: бурная модернизация украинской культуры опиралась на коммунистическую идеологию в специфически национальном проявлении². Весьма ощутимо это влияние было для литературы и (в преломленной форме) литературной теории. Практически каждый текст, появлявшийся в этих сферах, не только имел политическую интенцию, но и по-разному прочитывался в разных политических контекстах³. Особую драматичность этому процессу придавало то обстоятельство, что вхождение украинской культуры в революционную современность происходило под серьезным влиянием русского модернизма и авангарда на их уже советской стадии. Задача национального культурного строительства часто решалась с помощью инструментов и методов культуры метрополии. Эти методы и инструменты, оказавшись в ином контексте, нередко меняли свое содержание и смысл⁴. В частности, русский формализм, являвшийся одним из случаев типичного для модерности универсалистского мировоззрения,

¹ Учет «диаспорной» критики советских реалий слева тоже представляется важным: *Величенко С.* Імперіалізм і націоналізм по-червоному: українська марксистська критика російського комуністичного панування в Україні (1918–1925). Львів: УКУ, 2017; *Кравець Д.* За Збручем: західноукраїнська громадсько-політична думка про радянську Україну (1920–1930-ті рр.). Львів: Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника, 2016.

² Отметим важный анализ разных национальных «фонов» большевистской идеологии и опыта: *Riga L.* The Bolsheviks and the Russian Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

³ Про общий контекст литературных сдвигов: *Luckyj George S. N.* Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917–1934. Durham: Duke UP, 1990; *Palko O.* Making Ukraine Soviet: literature and cultural politics under Lenin and Stalin. N. Y.: Bloomsbury Publishing, 2020.

⁴ См. об этом: *Kaplan Isabelle R.* The Art of Nation-Building: National Culture and Soviet Politics in Stalin-Era Azerbaijan and Other Minority Republics. Ph. Diss. Georgetown University, 2017.

в процессе его восприятия и перетолкования в советской Украине становится важным инструментом «модернизации» национальной словесности и в итоге — фактором развития уже собственно украинской литературной культуры.

Помимо истории филологических и литературных идей, методов интеллектуальной истории и отчасти культурной антропологии литературной и научной жизни, в работе также будет использована концепция «культурного трансфера», разработанная Мишелем Эспанем¹.

Отметим здесь самые важные положения этой концепции.

1. Культурный трансфер — это процесс, основанный не на пассивной, а на активной роли импортера-реципиента, который сознательно выбирает те или иные элементы чужой культуры.
2. Культурный трансфер всегда основан на уже существующем предварительном образе чужой культуры.
3. Культурный трансфер обусловлен прежде всего собственной ситуацией импортера-реципиента, особенностями его культуры, которая видится им как «неполная», «не самодостаточная», нуждающаяся в «дополнении».
4. Культурный трансфер предполагает отрефлексированное представление агентов культурного импорта о национальной культурной повестке.
5. В результате культурного трансфера элемент, импортированный из чужой культуры, претерпевает серьезную трансформацию, деформируется; поэтому результат трансфера никогда полностью не совпадает с исходным проектом.

Эта концепция может быть дополнена идеями Ю. М. Лотмана из статьи 1983 года «К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект)». Так, описывая механизм культурного обмена, Лотман отмечает: «В систему с большой внутренней неопределенностью вносится извне текст, который именно потому, что он текст, а не некоторый голый „смысл“ сам обладает внутренней неопределенностью,

¹ Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц. Е. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. В начале формирования этого подхода важную роль играли также идеи Мишеля Вернера, который затем занялся, скорее, сюжетами новой историографии: Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90.

представляя собой не овеществленную реализацию некоторого языка, а полиглотическое образование, поддающееся ряду интерпретаций с позиции различных языков, внутренне конфликтное и способное в новом контексте раскрываться совершенно новыми смыслами»¹.

Концепция культурного трансфера не только удачно дополняет подходы рецептивной эстетики, но и дает возможность вывести понимание некоторых важнейших процессов на новый уровень. Но нужно сразу отметить, что это понятие не может быть без существенных изменений приложимо к ситуациям имперским и постимперским, когда между *обществами* (а не столько самими культурами) выстроены отношения неравенства, меняющиеся в ходе исследуемого процесса. Эспань обосновал этот подход на материале франко-германского межкультурного взаимодействия; важным обстоятельством этого являлось то, что исторический период, который интересовал Эспаня, — несколько десятилетий после сокрушительного поражения Франции в войне с Германией (1870–1871). Многие последователи Эспаня считают, что эта ситуация военного поражения и неравенства сил участников «пересадки» является своего рода образцовым полигоном для других случаев культурного трансфера. Но справедливо указать и на разнообразие потенциальных кейсов, несводимых к исходной модели, и, наконец, на истоки этого понятия в идее «встречных течений» Александра Веселовского (что охотно признает и подчеркивает сам Эспань). Идея трансфера позволяет увидеть в рецепции украинскими писателями и литературными теоретиками достижений революционной русской культуры не столько пассивное заимствование или навязанный метрополией процесс, сколько активный и сознательный выбор самой строящейся национальной украинской культуры.

Пристальный анализ таких сюжетов, как развитие передовой литературной теории (формализма) в советской Украине в 1920-е годы, «пересборка» идей и концептов русского

¹ Лотман Ю. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: Александра, 1992.

формализма для конструирования национально-культурной идентичности, баланс классового и национального подходов времен «коренизации»¹, судьба украинского литературного модернизма, авангарда и литературной теории в условиях сворачивания проекта «советских 1920-х», — все это позволит по-новому подойти к изучению проблемы политического содержания литературных и теоретических поисков в советской Украине. Все эти вопросы заставляют нас, во-первых, исследовать до сих пор недостаточно введенный в научный оборот фактический материал и, во-вторых, по-новому осмыслить концептуальные подходы, необходимые для реконструкции и понимания истории науки и культуры советского периода.

★ ★ ★

В плане исследовательском мы видим нашу работу, помимо жанровых и региональных рамок международной и восточноевропейской славистики и искусствознания, также ориентирующейся на достижения и идеи уже сложившихся междисциплинарных научных групп и издательских проектов (преимущественно англоязычных), начатых на исходе XX столетия². С 2000-х годов усилиями Гюнтера Бергхауса

¹ «Коренизация» — политическая и культурная кампания, проводимая советской властью в национальных республиках в 1920-е годы (в советской Украине получила название «украинизации»). Политика коренизации предполагала участие местного населения республик в государственном управлении, создание национально-территориальных автономий, внедрение национального языка и культуры в различные сферы жизни общества. Очень краткое описание этих процессов в российской исследовательской литературе: *Борисёнок Е.* Феномен советской украинизации 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006; *Аманжолова Д. А.* Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920–1930-е гг. М.: Собрание, 2010. Книга Андрея Марчукова (*Марчуков А. В.* Украинское национальное движение: УССР, 1920–1930 годы: цели, методы, результаты. М.: Наука, 2006), несмотря на обилие материала, грешит предвзятостью и односторонней критикой украинского национального проекта в целом.

² Мы имеем в виду американский журнал *Modernism/modernity* (первый номер которого датирован 1994 годом) как орган основанной в 1998 году *Modernist Studies Association*, а также выходящий с 2005 года в Эдинбурге британский журнал *Modernist Cultures*, связанный с *British Association for Modernist Studies*. К ним примыкают интересные работы и материалы

и его коллег ширится поле изучения интернационального футуризма¹.

Разнообразный и богатый опыт «внутреннего» описания истории русского формализма тут может пригодиться лишь частично. Начиная с классических трудов Виктора Эрлиха и Рене Уэллека до новейших работ Яна Левченко, Ильи Калинина, Катрин Депретто и особенно богато документированных штудий Игоря Пильщикова, Андрея Устинова и их коллег можно отметить скорее противоположную тенденцию размыкания границ его, понимаемого уже не только под знаком «строгой науки». В рамках литературы о русском формализме история параллельных или предшествующих ему течений (в первую очередь в Германии и Франции) изучалась скорей с точки зрения выявления специфики открытий Шкловского и его сторонников; но были и примечательные попытки описания схожих феноменов в тогдашней науке славянских стран².

На примере польских формальных штудий и особенно рождающегося чешского структурализма можно отметить два противоположных импульса, значимых и для оценки украинского случая. Это векторы, с одной стороны, «ретрансляции чужих идей» (русских, австрийских или немецких) или, с другой, автохтонного развития, с минимальным и заведомо привходящим эффектом заимствований извне. В частности, в 1930-е годы ряд членов Пражского лингвистического кружка в качестве подлинной основы нового подхода намеренно

конференций The European Network for Avant-Garde and Modernism Studies (EAM), ядром которых является бельгийская группа MDRN, базирующаяся в бельгийском университете Лувена. См. уже шестой том серии: *European Avant-Garde and Modernism Studies: Realisms of the Avant-Garde* / Ed. by M. Bassler, B. Hjartarson, U. Frohne, D. Ayers and S. Bru. Berlin; New York: de Gruyter, 2019; и коллективные труды вроде: *Modern Times. Literary Change* / Ed. by J. Baetens, S. Bru et al. Leuven: Peeters, 2013.

¹ Выпуски International Yearbook of Futurism Studies выходят с 2011 года в издательстве de Gruyter; см. еще: *International Futurism in Arts and Literature* / Ed. by G. Berghaus. Berlin: De Gruyter, 2000.

² Иванов Вяч. Вс. Из истории ранних этапов становления структурного метода в гуманитарных науках славянских стран [1984] // Московско-тартуская семиотическая школа: история, воспоминания, размышления. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 13–38.

подчеркивали давнюю традицию австрийско-чешской философской эстетики, а вовсе не русское влияние Шкловского и опоязовцев¹. Собственно, «ревность» и притязание на самобытность были в весьма большой степени присущи многим гуманитарным теориям описываемой эпохи и распространялись и на изучение их в последующем. И если у русского формализма были в 1960–1970-е годы свои авторитетные продолжатели, глубокие исследователи и публикаторы в лице Романа Jakobson (в первую очередь) на Западе, а также Мариэтты и Александра Чудаковых с Евгением Тоддесом в СССР, то «послежизнь» украинских формальных штудий оказалась — как будет показано в финальном разделе и заключении к книге — куда более сложной и проблематичной.

Это кажется понятным, учитывая многолетнюю традицию советской фальсификации украинской истории, что привело к «вытеснению» украинского нацмодернизма (а вместе с ним и большей части художественного и теоретического наследия 1920-х лет) из области серьезных и углубленных научных изысканий вплоть до 1980-х годов (с небольшим перерывом на времена оттепели, когда были реабилитированы деятели «Расстрелянного Возрождения»²). Такая политика умолчаний и ограниченность дозволенного канона

¹ См., например: *Mrugalski M.* Stanisław Brzozowski as Harbinger and Enabler of Modern Literary Theory in Poland and the West // Stanisław Brzozowski and the Migration of Ideas. Bielefeld, 2019. P. 284–292 (с этим польским кругом был связан до эмиграции в Америку Виктор Эрлих, автор первой американской известной книги о формализме 1955 года). Об этих центральноевропейских традициях: *Formalismes esthétiques et héritage herbartien*. Vienne — Prague — Moscou / C. Maigné et C. Trautman-Waller (dir.). Hildesheim et al.: Olms Verlag, 2009; *Formalisme esthétique: Prague et Vienne au XIXe siècle* / Textes réunis par C. Maigné. Paris: Vrin, 2012; *Мэнь К.* Формальная эстетика И.-Ф. Гербарта и ее отражение в русском формализме // *Европейский контекст русского формализма*. М.: ИМЛИ, 2009. С. 55–76.

² Термин, введенный в 1959 году Юрием Лавриненко (1905–1987), диспорным литературоведом с советским прошлым, для обозначения деятельности украинской интеллектуальной элиты 1920-х — начала 1930-х годов, которая подверглась сталинским репрессиям. *Hryn H.* The Executed Renaissance Paradigm Revisited // *Harvard Ukrainian Studies*. 2004. Vol. 27. № 1/4. С. 67–96; *Krupa P.* Arguments against 'The Executed Renaissance': Iurii Lavrinenko's Anthology and the Problem of Representation of the Ukrainian Literature 1917–1933 // *Zeitschrift für Slawistik*. 2017. Bd. 62. № 2. С. 268–296.

лишь закрепила поверхностное представление о вторичности украинской литературы межвоенного периода по отношению к русской и европейской словесности¹. Исходную роль в этом процессе сыграло и то, что в 1930-е годы модернистские и авангардные течения в украинском случае были маркированы советской официальной идеологией (еще до послевоенного разгула ждановщины) не просто как «реакционные», «формалистские» и «буржуазные», но также как «националистические» и политически враждебные.

Весьма иной была картина изучения культуры и литературы ранних советских лет в украинской эмиграции. После давних обзорных трудов Костя Копержинского (в сборнике в честь Михаила Грушевского) и «неоклассика» Павла Филиповича 1920-х, выполненных еще в УССР², очерков Андрея Ковалевского и Ярослава Гординского о литературной критике советской Украины³ собственно теоретико-литературные и эстетические штудии межвоенных лет как будто оказались в тени внимания следующих поколений⁴. Яркая литературная и идейная жизнь 1920-х в зеркале памяти (даже если речь шла о бывших свидетелях) явно заслоняла перипетии собственно

¹ Подробнее о причислении украинского авангардного наследия к русскому см.: *Ільницький О. Український футуризм (1914–1930 рр.)* / Пер. з англ. Р. Тхорук. Львів: Літопис, 2003. С. 9–11.

² *Копержинський К. Українське наукове літературознавство за останні 10 років. 1917–1927 рр.: огляд.* К.: ВУАН, Науково-дослідча кафедра історії України, 1929; *Филипович П. Українське літературознавство за 10 років революції* // Література. 36. І. К., 1928.

³ *Ковалівський А. З історії української критики.* Харків: ДВУ, 1926 (о біографії і востоковедческих трудах А.П. Ковалевского (1895–1969) см.: *Дудко Д. А.П. Ковалівський — сквородинознавець з роду Ковалівських* // *Переяславські Сквородинські студії.* 2011. № 1. С. 275–281); *Гординський Я. Літературна критика підсоветської України.* Львів, 1939; этот труд был одним из последних в биографии львовского литературоведа Ярослава Гординского (1882–1939), члена НТШ, автора публикаций о Котляревском, отца поэта и художника Святослава Гординского (1906–1993).

⁴ Основу текущей библиографии дает свод: *Лейтес А., Яшек М. Десять років української літератури (1917–1927).* Харків: ДВУ, 1928. Т. 1.-2; *Шпілевич В. Бібліографія української літератури та літературознавства за 1928 р.* Харків: ДВУ, 1930; *Шпілевич В. Бібліографія української літератури та літературознавства за 1929 рік* // *Життя й революція.* 1930. Кн. 7. С. 162–175; Кн. 8/9. С. 148–176; Кн. 10. С. 160–175; Кн. 11/12. С. 164–225.

научных споров¹. Так было с крупнейшим украинским лингвистом, литературоведом и критиком Юрием Шевелевым (Шерехом), который как историк науки немало сделал для возрождения интереса в первую очередь к уничтоженным в годы террора украинским языковедам. Тяжелый личный и научный конфликт Шевелева с Якобсоном с 1950-х годов, перемена и «удревнение» интересов Дмитрия Чижевского в контексте эволюции немецкой славистики весьма осложняли возможности продуктивного историографического диалога российского и украинского формалистоведения.

После обретения Украиной независимости и обращения к запретным ранее именам и сюжетам тема развития формального метода в культуре 1910–1920-х годов не стала в украинском литературоведении предметом отдельной «исследовательской индустрии» (как, например, творчество «неоклассиков» или театральный авангард). Такая ситуация объясняется как отсутствием институционального характера тогдашнего «украинского формализма» (что делает достаточно проблематичным его описание в качестве целостного явления), так и невыработанностью конвенционального понятийного аппарата, с помощью которого велось бы обсуждение этого феномена. Как показывает развитие украинского литературоведения последних десятилетий, вопрос этот принципиально важен и актуален, поскольку речь идет не только о ревизии истории национального гуманитарного знания и попытке реконструировать/сконструировать его непрерывную традицию, заполняя «белые пятна», но и о возможности написания объективной научной истории развития украинского литературоведения и переосмысления национального литературного канона как такового².

¹ Из немногих исключений — статья поэта и переводчика Богдана Кравцова (1904–1975) начала 1960-х годов: *Кравців Б. Розгром українського літературознавства 1917–1937 рр. // Збірник на пошану українських учених, знищених більшовицькою Москвою. Записки НТШ. 1962. Т. CLXXIII. С. 217–242.*

² О сложности выстраивания единого исторического канона см. важный коллективный манифест: *Portnov A., Portnova T., Savchenko S., Serhiienko S. Whose Language Do We Speak? Some Reflections on the Master Narrative of Ukrainian History Writing // Ab Imperio. 2020. № 4. С. 88–129.*

Забегая вперед, отметим, что парадигму, в рамках которой рассматривается развитие и трансформация «украинского формализма», можно обнаружить в немногочисленных работах, посвященных этой проблеме. Обычно исследователи выстраивают следующую линию континуальности: труды А. А. Потебни — семинарий русской словесности В. Н. Петерца — модернистское и авангардное литературоведение и критика 1910–1920-х годов — «структуралистские» поиски Дмитрия Чижевского (в частности, его «История украинской литературы», впервые изданная в 1956 году в Нью-Йорке¹). Этой линии будем следовать и мы, отмечая также существенные петли, повороты и разрывы ее порой прихотливого рисунка. Собственно, логика этого развития предполагает как обращение назад, от советской украинской культуры 1920-х годов к национальной (дореволюционной) предыстории развития формального метода, так и возможность проследить последующее имплицитное бытование этого метода. В подобной схеме «История украинской литературы» Чижевского представляется своего рода *post mortem* «украинского формализма»: ведь эта книга и продолжает линию формалистских поисков 1920-х годов (включая опыт Пражского лингвистического кружка), и перебрасывает мостик к более позднему осмыслению теоретического наследия межвоенного периода.

Большинство украинских исследований последних 30 лет упоминают формальный метод преимущественно в контексте изучения литературного процесса 1920-х годов. Так, Олег Ильницький в своей работе «Украинский футуризм (1914–1930)» (первое англоязычное издание 1998 года) уделяет проблеме соотношения панфутуристической концепции искусства и русского формализма небольшую главу, отмечая, что футуристы, вводя понятия «идеологии» и «фактуры», таким образом пытались выйти за узкие рамки оппозиции «формы» и «содержания», считая их «прямым доказательством несостоятельности представлений марксистского

¹ Чижевський Д. Історія української літератури (від початків до доби реалізму). Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1956.

и немарксистского лагеря»¹. Соломия Павлычко в книге «Дискурс модернизма в украинской литературе» (1999) ограничивается замечанием, что «формализм, который был ведущей тенденцией критики на рубеже 1910-х и 1920-х, а также критики неоклассиков, воплотился в поиске новой формы романа, в новых способах построения характеров и сюжетов»². Более подробно влияние формального метода на украинскую прозу 1920-х годов, в частности на художественные и теоретические поиски Майка Йогансена, рассматривает Анна Биля в монографии «Украинский литературный авангард» (2006)³.

Наиболее полное представление о развитии формального метода в украинской словесности дает сборник статей «Дискурс формализма: украинский контекст» (2004)⁴. Среди авторов, которые присоединились к дискуссии об «украинском формализме» и теоретические подходы которых представляются нам особенно значимыми, можно упомянуть Светлану Матвиенко, Олену Галету, Григория Грабовича, Миколу Ильницького и других исследователей. Однако их работы скорее намечают направление дальнейших научных штудий, чем углубляются в суть вопроса. Так, к примеру, Матвиенко задает вопрос о возможных вариантах прочтения формализма — как методологии, интеллектуальной моды и/или мировоззрения. В качестве предшественников развития формального метода в украинском литературоведении и критике исследовательница называет теоретические работы Александра Потебни, Ивана Франко, Владимира Перетца. Олена Галета обозначает немаловажный вопрос о «ближних рядах» украинского формализма: является ли дискурс украинского формализма частью общеоформалистского контекста или он

¹ *Ільницький О. Український футуризм (1914–1930) / Пер. з англ. Р. Тхорук. Львів: Літопис, 2003. С. 232–235.*

² *Павличко С. Дискурс модернізму в українській літературі. К.: Либідь, 1999. С. 230.*

³ *Біля А. Український літературний авангард. К.: Смолоскип, 2006. С. 238–252.*

⁴ *Матвієнко С. Дискурс формалізму: український контекст. Львів: Літопис, 2004.*

развивался самостоятельно? Галета также обращает внимание на необходимость разграничения формальной, формально-«поэтикальной», формалистской и филологической критики. Сложность вопроса заключается в том, что зачастую авторы — участники литературного процесса 1920-х годов выступают одновременно в нескольких ролях — критика, публициста, теоретика, историка литературы, писателя/поэта и т. п. Достаточно указать на деятельность лидера украинского панфутуризма Михайля Семенко или же литературоведческие статьи поэта и прозаика Майка Йогансена.

Принципиально важной с точки зрения обозначенных в ней направлений дальнейшего исследования представляется помещенная в сборнике статья Григория Грабовича «Апория украинского формализма», в которой следует выделить два основополагающих аспекта. Во-первых, автор настаивает на том, что формализм как исторически ограниченное явление ассоциируется главным образом с русским формализмом («какими бы ни были его западные и истислововедческие истоки»): «Именно здесь появились самые интересные и влиятельные труды, и, главное, одновременно с этим произошло их теоретическое укоренение...»¹; «нет никаких сомнений, что для украинского дискурса формализма (я акцентирую именно на моменте дискурса — хотя его надо еще должным образом очертить) русский фактор является основным и решающим»². Исходя из этого, Грабович отмечает, что фокус будущих исследований должен быть наведен на «контрастное сопоставление русского и украинского контекстов»³.

Во-вторых, вопреки распространенному среди историков украинской литературы мнению о том, что русский авангард, в отличие от украинского, имел более радикальные формы и был в большей степени идеологически и политически

¹ Грабович Г. Апорія українського формалізму // Матвієнко С. Дискурс формалізму: український контекст. Львів: Літопис, 2004. С. 74. Здесь и далее все переводы цитат на русский язык выполнены авторами книги.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 84.

ангажирован¹, Грабович отмечает, что в 1920-е годы в советской Украине велись не менее, если не более ожесточенные литературные дискуссии, «учитывая то, что жизнь на окраинах империи всегда была жестче, чем в ее центре»². В качестве подтверждения приведенного тезиса добавим, что критика формализма как буржуазного течения, враждебного марксизму, в украинской периодике началась еще в 1923 году, до появления в «Правде» известной статьи Льва Троцкого³. В целом Грабович (кстати, противник идеи «неполной литературы» в изложении Чижевского⁴) приходит к выводу, что формализм в Украине был «неполнокровным», поскольку ему недоставало «критической массы», что было обусловлено как сдержанным интересом самих литературоведов и критиков, так и полифункциональностью их устремлений. Подобный вывод справедлив только отчасти, что и будет продемонстрировано в настоящей книге.

Другой украинский историк литературы — Ярослав Полищук — в своей монографии «Литература как геокультурный проект» (2008) уделяет вопросу развития формального метода в украинской культуре достаточно пристальное внимание. Во-первых, для обозначения феномена «украинского формализма» он предлагает понятие «интуитивный». По его мнению, не имея серьезной теоретическо-философской основы и не будучи институализированным движением, формальный метод в Украине опирался либо на «идеи заграничных ученых, либо интуитивно искал опоры в украинской традиции». В качестве такой «опоры» Полищук называет семинарий русской словесности и работы по методологии истории литературы Владимира Перетца, который «одним из первых утвердил элементы формального метода

¹ *Shkandrij M. Avant-Garde Art in Ukraine 1910–1930: Contested Memory.* Boston: Academic Studies Press, 2019. P. 3.

² *Грабович Г.* Указ. соч. С. 81.

³ *Троцкий Л.* Литература и революция // *Правда.* 1923. 26 июля (№ 166).

⁴ *Грабович Г.* Ще про «неісторичні» нації і «неповні» літератури // *Грабович Г.* До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка. К.: Основи, 1997. С. 543–570.

на украинской почве»¹. Сложно согласиться с утверждением Полищука о том, что формальная критика в Украине «фактически была заблокированным научным опытом с середины 1920-х годов»², равно как и с тезисом, что рецепция формализма в украинском литературоведении шла с опозданием и носила дискретный характер³. В заключение автор монографии отмечает, что украинское литературоведение «не воспринимало радикальный формализм, который прославился в России 20-х годов прошлого столетия»⁴.

Проблема применения формального анализа в литературоведческих и критических работах круга «киевских неоклассиков» — последователей В. Н. Перетца (Миколы Зерова, Михайла Драй-Хмары, Павла Филиповича, Освальда Бургардта, Виктора Петрова и др.) уже неоднократно рассматривалась украинскими литературоведами⁵. Практически все они отмечают, что формализм для «неоклассиков» был только одним из направлений их научных и художественных поисков: «Киевских неоклассиков можно считать формалистами только в том смысле, что они уделяли большое значение собственно литературной специфике произведения, которую понимали достаточно широко — как жанр, стиль, композицию, ритмику»⁶.

Одновременно с этим в центре внимания исследователей — вопрос традиции и научной парадигмы, в рамках которой происходил поиск теоретических основ украинского литературоведения первых двух десятилетий XX столетия. За небольшим исключением (вышеупомянутая статья Грабовича) исследователи проблемы «украинского формализма» сходятся во мнении, что украинские литературоведы и критики

¹ *Поліщук Я.* Література як геокультурний проект. К.: Академвидав, 2008. С. 61.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Соответствующая литература (работы В. Агеевой, Н. Котенко и других) будет приведена в главе о «неоклассиках» в четвертом разделе.

⁶ *Котенко Н.* Рецепція формалістичних ідей у колі київських неокласиків // Слово і час. 2006. № 11. С. 68.

1920-х годов ориентировались на западноевропейские исследования, преимущественно немецкие и изредка французские, посвященные вопросам стиля и поэтики. Обычно в этом списке фигурируют имена О. Вальцеля, Г. Вёльфлина, Г. Зиммеля, Б. Христиансена, Э. Сиверса, А. Альбалы, Э. Нордена и др. Так, к примеру, Леся Демская-Будзуляк в монографии «Украинское литературоведение от идеи к тексту: неоклассический дискурс» (2019) отмечает два направления рассмотрения формы в литературоведении конца XIX — начала XX века: первый основывался на учении А. А. Потебни о внешней и внутренней форме слова; второй — на «искусствоведческих взглядах Г. Вёльфлина, философских концепциях Г. Зиммеля, О. Шпенглера и литературоведческих подходах О. Вальцеля, где идея формы была тесно связана с идеей художественного стиля как проявления художественного сознания эпохи»¹.

Работы вышеперечисленных — преимущественно германских — ученых также послужили импульсом для теоретических поисков русских формалистов². Скорее, здесь следует говорить о синхронной рецепции западноевропейских (немецких и в гораздо меньшей степени французских) идей в области изучения формы в искусстве; при этом можно даже с уверенностью предположить, что работы перечисленных ученых приобретали тогда в Украине известную популярность как раз благодаря открытиям русских формалистов, а не наоборот. В целом в монографии Л. Демской-Будзуляк представлен достаточно глубокий и обширный анализ развития украинского модернистского литературоведения конца

¹ Демська-Будзуляк Л. Українське літературознавство від ідеї до тексту: неокласичний дискурс. К.: Смолоскип, 2019. С. 259.

² В частности, О. Ханзен-Лёве отмечает, что немецкая философия искусства оказала существенное, но не определяющее влияние на систему взглядов, в рамках которой развивался русский формализм: См.: Ханзен-Лёве О. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 255; Дмитриева Е. Е. Генрих Вёльфлин и открытие формального метода в гуманитарных науках в России // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 гг. М.: ИМЛИ, 2015. С. 600–631.

ХІХ — перших десятилетий ХХ века, основанный на противопоставлении неоклассического дискурса (под которым понимается все модернистское литературоведение) и традиционалистского (который с середины 1920-х годов сближается с марксистским). Также отметим, что исследовательница вместо понятия «формализм» апеллирует к понятию «морфологизм» или «морфологический метод», который, по ее мнению, более подходит для обозначения теоретических поисков украинских литературоведов в области изучения формы. В завершение Демська-Будзуляк приходит к выводу, что «украинский дискурс морфологизма, как синтез взглядов русской формальной и немецкой морфологической теории, ставил перед собой не только научные, но и культурнические цели»¹. Но был ли этот синтез устойчивым и насколько опирался на национальную традицию (хотя бы в лице Потебни или его учеников)? В качестве небольшого комментария к обозначенной выше проблеме неустоявшейся понятийной системы современного описания украинского формализма отметим, что Михайло Наенко, автор фундаментального учебника по истории украинского литературоведения, настаивает на развитии не «формального», но «филологического метода» в украинской науке о литературе 1920-х годов².

Отсылая к генерализованным схемам, Татьяна Коваленко в диссертации «Системогенез формализма: украинский опыт»³ рассматривает «функционирование» формального метода в украинской культуре с помощью идей общей теории систем и теории коммуникации, что позволяет ей определить некоторые особенности национальной версии формализма и противопоставить как отдельные варианты ее реализации (в советской Украине и в диаспоре); так и разные национальные версии (русскую, украинскую, польскую). В свою очередь, в рамках советской версии исследовательница выделяет

¹ Демська-Будзуляк Л. Указ. соч. С. 350.

² Наенко М. К. Історія українського літературознавства: Підручник. К.: Академія, 2001. С. 133–157.

³ Коваленко Т. Системогенез формалізму: український досвід: Дис. ... канд. філол. наук. Львів, 2013.

четыре вектора развития формализма: футуристический, «неоклассический» (группа «киевских неоклассиков»), «вапльитянский» (группа ВАПЛИТЕ) и научный. Таким образом, по мнению Коваленко, развертывание формалистского дискурса в украинской культуре 1920-х годов дает возможность говорить о нем как об универсальном проекте обновления и «перезагрузки» национальной литературной традиции.

В целом среди украинских литературоведов нет единого мнения в определении «формализма». Чаще всего термин понимается достаточно широко: в литературе и искусстве — как художественная практика конца XIX — начала XX столетия в духе *l'art pour l'art*; в истории и теории литературы — как имманентный анализ художественного произведения с акцентом на изучение формального аспекта его конструкции¹. Совсем недавняя, вышедшая в 2019 году, немецкая книга Веры Фабер, посвященная феномену украинского авангарда, рассматривает и теоретическую сторону работы героев повествования: в ее методологической схеме вопросы поэтики становятся предметом более широкого видения уже в оптике отношений «центр — периферия» (по Ю.М. Лотману), феномена пограничных явлений и культур². Неизбежный и отрефлексированный сдвиг от «чистой теории» в политику и историю нам представляется важным этапом историографических штудий украинского формализма.

★ ★ ★

Главы нашей книги порой нарушают последовательный временной ход событий; эти сознательные «сбои» выровнены в приложенной хронологии развития формального метода в Украине. В результате исследования мы хотим ответить на вопросы: каким был формализм в Украине на фоне прочих

¹ Характерная (но скорее постулированная, чем обоснованная историческим материалом) попытка сопоставления двух теоретических программ: Радченко О. А. Німецька школа іманентної інтерпретації та український формалізм: типологічний аспект // Питання літературознавства. 2012. № 86. С. 309–319.

² Faber V. Die ukrainische Avantgarde zwischen Ost und West. Bielefeld: Transcript, 2019.

нацмодернистских проектов, насколько правомерно рассматривать его как целостное и сложившееся явление? Сразу скажем, что каким бы он ни был, к отражению формализма русского он точно не сводится. Перед нами феномен оригинальный, своеобразный, и притом диалогический.

Наша книга рассчитана в первую очередь на российского читателя, для которого сравнение с русским формализмом уже как бы автоматизировано, входит в перцептивный фон. Но без критической рефлексии такой взгляд на героев нашей книги чреват существенным сдвигом, если не сбоем восприятия: точно так же, как Жирмунского, Шпета или Бахтина было бы совершенно ошибочно видеть «недоопоязовцами». Хотя в приложение мы поместили довольно много материалов, связанных с украинской ревизией идей Шкловского и его соратников, это не исчерпывает магистральных сюжетов книги. Наш труд в любом случае не является попыткой представить еще одну, но на сей раз «боковую», версию истории русского формализма¹ и тем более географически расширить границы его теоретического и методологического влияния. Чтобы разобраться в переплетении инноваций, откликов и традиций / влияний, мы должны реконструировать сеть идейных и личных взаимоотношений, содержательных переключек и разногласий² между русскими формалистами, украинскими учеными, а также авторами — создателями украинского культурного пространства первой половины XX столетия на фоне исторического контекста 1910-х — начала 1930-х годов. Для этого придется вернуться на полвека раньше, к идеям и установкам 1860-х годов или принципам 1848 года.

¹ Кстати, стоит отметить, что в указатели по поэтике или формальному методу второй половины 1920-х (бывших «перетцианцев» А. Багрия, С. Балухатого) украинские работы включались, правда, довольно выборочно и скупо.

² Перспективная попытка такого сопряженного видения применительно к украинской культуре: Fowler M. C. *Beyond Ukraine or Little Russia: Going Global with Culture in Ukraine* // *Harvard Ukrainian Studies*. 2015. Vol. 34. № 1/4. P. 29–284; Fowler M. C. *The Geography of Revolutionary Art* // *Slavic Review*. 2019. Vol. 78. № 4. P. 957–964.